

Владимир МАТЛИН
Маклейн, Вирджиния

В начале восьмидесятых годов в столичном городе Вашингтоне произошел такой случай. Федеральное правительство решило строить здание в центре города, но строительству мешал какой-то старый, сильно обветшалый дом. Снести его, и все дела! Ан нет. На беду, в этом доме помещалась в последние годы ночлежка для бездомных. "Как это можно? - закричали тут борцы за права обездоленных, - как можно оставить без приюта и так уже бездомных людей!" - "Что вы, что вы! - испуганно залепетало правительство, - мы построим для них на другой улице новую, гораздо лучшую ночлежку, со всеми современными удобствами." - "Нет! - твердо сказали борцы, - не хотим на новом месте, хотим на старом. А не согласитесь с нами, тогда..."

Угроза была серьезная: главный борец, известный в стране активист и подвижник, грозился начать бессрочную голодовку и уморить себя голодом на глазах у всех. И правительство испугалось. И уступило. (А возглавлял в то время правительство, кстати сказать, отважный победитель коммунизма Рональд Рейган.) Ночлежка осталась на своем месте, борцы торжествовали победу, а бездомные... Да кто их спрашивает? Все равно непонятно, чего они хотят.

Все это, может быть, прямого отношения к моей теме не имеет, но все же заостряет внимание на очень интересном вопросе: кто они, борцы за права других людей, что ими движет? Тогда же в качестве радиожурналиста я встретился с тем самым борцом-активистом. После капитуляции правительства он отменил голодовку, но все равно был тощ и мрачен, глаза его горели, плечи напряжены. Я включил свой магнитофон и задал вопрос: "Что побудило вас заняться правами бездомных?". И то, что он ответил, запомнилось мне навсегда.

"Видите ли, когда в 1973 году кончилась вьетнамская война, - сказал мой собеседник, - мы остались не у дел. В течение почти десяти лет мы активно протестовали против войны, боролись с правительством и империалистическими кругами... а тут вдруг мы победили, и все кончилось. Вот тогда я стал смотреть вокруг себя: чем заняться, на что обратить свои силы. И увидел бездомных..."

Понимаете, что удивило меня в таком объяснении: оказывается, не бедственное положение людей или несправедливость вызывает активность этих борцов, а скорее, наоборот: излишек сил, которые они не умеют использовать созидательно и конструктивно, заставляет их отыскивать социальные явления, которые можно объявить злом, требующим искоренения. И начинается активная борьба против этого... или того... или чего-нибудь еще: против глобализации, или охоты на китов, против атомных электростанций или меховых шуб... лишь бы бороться.

Вот теперь, после этого вступления, я добрался до Сая Фрумкина, героя моего очерка. Его тоже называют борцом за права человека, но, Боже мой, как мало общего было у него с теми вечно протестующими профессиональными "борцами против"... Сай не искал, чем бы заняться, куда обратить свою энергию. На протяжении своей жизни он не смотрел по сторонам в поисках зла - оно само находило его.

И прежде всего, в 1941 году, когда гитлеровская армия пришла в его родной город Каунас - Ковно, как называло его многочисленное тогда еврейское население. К этому моменту Саю было десять лет. Он родился и провел счастливое детство в интеллигентной, благополучной еврейской семье. Как это

нередко бывало с еврейскими семьями в Прибалтийских странах, Фрумкины были ориентированы на русскую культуру. В семье говорили по-русски, читали русские книги, образование получали в Петербурге. Дядя Сая, Яков Фрумкин, был в свое время членом Государственной думы и дружил с Александром Керенским. Другой его родственник был министром в правительстве независимой Литвы.

И все это рухнуло в одночасье. Еще

Два с лишним года провел Сай в Европе, переезжая из страны в страну и пытаясь прижиться и продолжить образование. В конце концов, его допустили в Венесуэлу, где у мамы обнаружилась сестра - близким родственникам въезд разрешили. И вот Фрумкин живет в Южной Америке, говорит по-испански, при этом учит английский - готовится поступить в университет в Соединенных Штатах. И действительно, в 1949 году поступает в Нью-Йоркский университет, отку-

империи. И помнил, что происходило вслед за этим: экспроприации, аресты, массовые депортации... Конечно, то, что людям не дают учить иврит, или не отпускают в Израиль, или не принимают в высшие учебные заведения, или не дают развивать национальную культуру - это еще не концлагерь и не Девятый Форт. Но Сай знал, что коммунистический режим способен на все. Вот тех же отказников - сначала выгоняли с работы, потом стали избивать в подъезде, потом арестовывать. А учителей иврита предали суду и отправили в лагерь. Сай очень хорошо помнил, что такое жить под постоянной угрозой расправы. Значит, это

ВОИНСТВЕННАЯ ДОБРОТА САЯ ФРУМКИНА

Он знал, что такое несправедливость и что такое зло, он видел их своими глазами

не кончилось с концом нацизма, значит, снова людей преследуют за их этническое происхождение, за религию, за идеологические отличия, наконец, за жела-

Митинг в защиту советских евреев, рядом с Саем - сенатор Джексон.

Сай Фрумкин сжигает советский флаг у здания музея в Лос-Анджелесе во время выставки советского искусства.

до прибытия немецких войск литовцы учинили трехдневный еврейский погром, оставшихся в живых немцы загнали в гетто. Знаменитое Ковинское гетто, пример ужаса и отчаяния. Три года провел Сай в аду, испытывая голод и страх быть убитым. Не когда-нибудь, а сегодня: в гетто постоянно проводился "отсев": слабых, негодных для работы людей выводили за город к печально известному Девятому Форту и расстреливали. За период существования гетто таким образом было уничтожено 17.000 человек.

После ликвидации гетто летом 1944 года Сай и его отец попали в Дахау, а мать была направлена в другой концлагерь. Отец погиб в Дахау, а Сай выжил. Он был освобожден из концлагеря американскими войсками и вместе с другими уцелевшими узниками направлен в лагерь для перемещенных лиц в Италию. Он чуть было не попросился домой, в Литву, но к этому моменту стала известна практика советских властей, которые требовали от каждого уцелевшего доказать, что он не сотрудничал с немцами и остался живым случайно - что доказать невозможно просто по законам формальной логики: нельзя доказать отсутствие чего-либо. Сай не стал опровергать логику и таким образом избежал еще одного лагеря - советского...

Но в лагере для перемещенных лиц он провел немало времени: ни одна страна в мире не желала впустить этих несчастных полуживых людей, чудом избежавших смерти. Их приняла бы с готовностью еврейская община Палестины, но Великобритания, державшая мандат над этой областью, строго противилась этому. Тут Саю повезло: его разыскала мать, которую он считал погибшей в лагере. Радостная, но и горькая встреча...

На приеме в Белом доме.

да выходит в 1953 году со степенью бакалавра. Позже он снова пошел учиться и получил степень магистра.

Бизнес он открыл в Лос-Анджелесе, который и стал его родным городом на всю жизнь. Сай женился, вырастил двух сыновей. Жизнь его складывалась благополучно и безмятежно, и вот в этот период как раз и стали поступать потрясающие новости касательно положения евреев в Советском Союзе.

Надо прямо сказать, что в отличие от большинства американских евреев Сай Фрумкин не имел никаких иллюзий насчет коммунизма. Он успел повидать его, так сказать, в натуральном виде в своей родной Литве, которая в 1940 году в одну ночь из независимой страны превратилась в маленькую часть советской

не уехать из страны, где их преследуют. Неужели все может повториться? Нет, такого допустить нельзя! Not again! Never again! Сквозь благополучие и безмятежность своей американской жизни Сай уловил тревожный шум. Это пепел Холокоста стучал в его сердце...

ЛЕГКО СКАЗАТЬ: надо что-то делать. Но что именно? и как? и с кем?..

Сай когда-то написал, что если бы сейчас к нему пришел молодой человек и рассказал, что он собирается делать все то, что Сай собирался сделать тогда, в конце 1960-х, умудренный опытом Фрумкин просто бы посмеялся над ним. Но тогда он не был мудрым и опытным, тогда он был молодым человеком, повзвращившим свои страдания в гетто, смерть

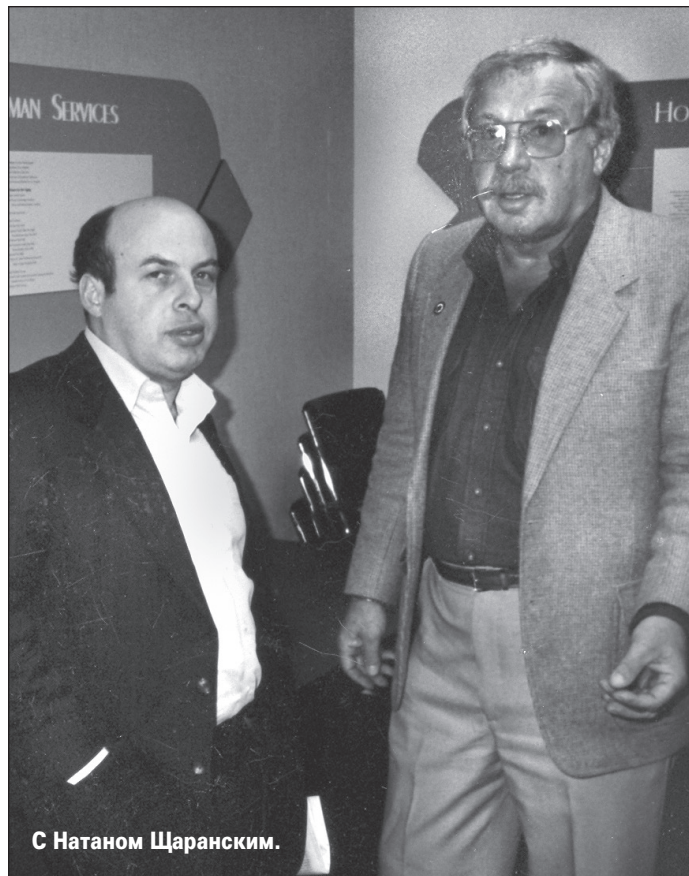
отца в Дахау, скитания в качестве перемещенного лица и равнодушие всего мира к судьбе жертв нацизма. И он должен был сделать все возможное и невозможное, чтобы защитить своих братьев в России. Размышления над проблемой и беседы с другими людьми привели его к определенному выводу, который и стал центральной идеей в его действиях: евреи должны иметь возможность эмигрировать из СССР, где они постоянно находятся в опасности.

С этой идеей он, естественно, в первую очередь обратился в ведущие еврейские организации. И был сильно разочарован, мягко говоря. Не то чтобы лидеры еврейских организаций не видели проблем российского еврейства, не то чтобы они не хотели как-то помочь своим соплеменникам - нет, они вполне готовы были оказать помощь и поддержку, но как? Только тихо-тихо, по официальным каналам, путем переговоров с советскими представителями, в обмен на уступки...

Сай знал этот путь и отвергал его: это был путь умиротворения, мюнхенских уступок, капитуляции перед наглой силой. Этот путь уже привел однажды к Холокосту. Нет, Фрумкин не мог идти по нему снова, даже вместе с авторитетными еврейскими лидерами. Так возникла у него концепция открытых публичных ненасильственных действий в рамках закона и американской демократической традиции.

Но для этого нужны единомышленники, нужна организация, нужны средства. В этот ранний период Сай встретил молодого человека, исповедовавшего близкие ему идеи - Зева Ярославского. Это теперь Ярославский - видный политик, занимающий выборную должность супервайзора Лос-Анджелесского графства, а тогда он был самым обыкновенным двадцатилетним студентом. И вот эти два молодых еврея и оказались у истоков движения, которое имело, без преувеличения, огромный международный резонанс и существенно повлияло на отношения сверхдержав. Конечно, они были не одни. Очень скоро стало известно, что аналогичного направления группы возникают и в других американских городах. И стали известны имена их инициаторов: Лу Розенблюм в Кливленде, Линн Сингер в Нью-Йорке, Хералд Лайт в Сан-Франциско, Айрин Маниковски в Вашингтоне, Лилян Хофман в Денвере, Женья Интратор в Торонто (это уже в Канаде) и многие другие. В тот период они не были связаны друг с другом организационно, но разделяли сходные взгляды: евреям в Советском Союзе угрожает насильственная ассимиляция, а то и худшая судьба, потому нужно бороться за возможность их эмиграции из той страны; действовать при этом нужно публично, с максимальным общественным резонансом, поскольку тихая дипломатия ничего не даст: даже согласившись на какие-то уступки, советские начальники их не выполнят, как они не выполняют, например, Хельсинкские соглашения.

Таковы были взгляды этих людей. Называли они себя по-разному, но сходно: кто - Комитет по делам советских евреев, кто - Совет за права советских евреев, кто - Объединение борцов за права советских евреев, но побуждения их борьбы были одинаковы: они не могли допустить нового Холокоста даже в "мягкой" форме - в виде ассимиляции. Пепел Холокоста не давал им покоя. У многих из них были родственники в Советском Союзе, связь с которыми была насильственно прервана в течение долгого времени. Но когда некоторым из них позволили навестить советских родственников, они вернулись домой в полном ужасе: даже не от бедности материального существования в коммунальных квартирах, а куда больше - от их запуганности, их страха перед антисемитизмом, от всей этой погромной литературы, выходящей под эгидой государства миллионными тиражами и находящей живой отклик среди населения. Так что созданный Фрумкиным

С Натаном Щаранским.

Адвокат Борис Горбис (слева) и Сай Фрумкин с кандидатом в Сенат США Брюсом Гершензоном.

Сай Фрумкин и Зев Ярославский (слева) с советскими диссидентами-отказниками Владимиром и Марией Слепак.

и Ярославским Южно-Калифорнийский совет в защиту советских евреев был далеко не единственной организацией такого рода, и здесь центральное внимание ей уделяется постольку, поскольку статья эта посвящена Саю Фрумкину.

Создатели движения с самого начала понимали, что успех его во многом зависит от того, насколько им удастся заинтересовать положением евреев в СССР людей за пределами еврейской общины, то есть неевреев. Чтобы оказать влияние на политику американского правительства, в стране должно быть создано широкое общественное мнение, определенное отношение к этому большому вопросу. И Сай очень скоро в этом убедился.

Счастливым случай свел его с очень

яркой личностью - широко известным в Калифорнии радиоведущим Джорджем Патнэмом. Слушателей у него было много, они любили Джорджа за честность, грубоватую прямолинейность, сочувственное отношение к нуждам простых людей. Когда Патнэм услышал от Саю о положении советских евреев, его возмущению не было предела. Как это - бояться ходить в синагогу? Сам он регулярно ходил в церковь, и какие-либо препятствия на пути в дом Божий казались ему нетерпимыми. Как это - не могут выехать в Израиль? А если им велит религиозный долг? В общем, Сай нашел в его лице верного союзника, и это была огромная помощь. Патнэм в своих передачах постоянно давал время Фрумкину и другим активистам движения за советских евреев (а они уже стали появляться) и сам говорил на эту тему. С его помощью была организована первая в Калифорнии массовая демонстрация в поддержку евреев в Советском Союзе. На праздник Хануки в 1969 году десять тысяч человек прошли колонной с горящими свечами по Лос-Анджелесу от Музыкаль-

канские христиане разных деноминаций. На всех мероприятиях можно было видеть священников и монахинь; в ежедневных бдениях напротив советского посольства в Вашингтоне в дни еврейских праздников евреев заменяли прихожане соседних церквей. Как правило, американцы сочувственно реагируют на ограничение свободы, где бы это ни случилось.

Вскоре сложилось ядро организации - несколько десятков человек, которые принимали активное участие во всех мероприятиях. И еще сотни людей, которые готовы были по первому зову прийти на демонстрацию, митинг, любое массовое мероприятие. Но вот со средствами всегда было туго. Ни еврейские организации, ни тем более правительство ни доллара не давали. А все эти листовки, плакаты, объявления в газетах, телефонные звонки - все стоило денег. Находились, конечно, жертвователи, но главным жертвователем все же был сам Фрумкин. К счастью, дела в бизнесе шли неплохо (он продавал обивочные ткани и драпировку), но все же эти деньги не были лишними для семьи... В этой связи Сай любит вспоминать, как однажды во время демонстрации в связи с прибытием русского балета к нему подошел некий член гастрольной группы явно не балетного вида и не без зависти сказал по-русски: "Вам, наверное, хорошо платят". Если бы он знал...

Организация действовала в нескольких направлениях. Прежде всего, массовые демонстрации и митинги. Затем - контакты с отказниками в России. Людей, которым угрожал арест, брала под опеку какая-либо правозащитная группа; этим людям постоянно звонили, им отправляли посылки, к ним приезжали визитеры из Америки. Сай дважды ездил в Москву, но гебешники его знали, за ним ходили по пятам, так что многого сделать он не мог. Еще одно направление: разъяснение в средствах массовой информации целей движения за советских евреев. На эту тему Сай опубликовал десятки статей, выступал по радио и телевидению. И наконец, контакты с американским правительством. По всей стране местные организации устанавливали отношения со своими конгрессменами и сенаторами, которые, как правило, сочувственно относились к целям движения. А когда местные группы решили объединиться и создать в Вашингтоне свое представительство (Union of Councils for Soviet Jews), появилась возможность постоянных контактов с Государственным департаментом.

В начале семидесятых годов нью-йоркский студент по имени Гленн Рихтер выступил инициатором смелой идеи: связать торговый статус той или иной страны с существованием свободной эмиграции из этой страны. Иначе говоря, по мысли Рихтера, следовало принять закон, согласно которому иностранная держава могла получить льготные преимущества в торговле с Соединенными Штатами лишь в том случае, если ее эмиграционная политика соответствует международным стандартам прав человека. Почему именно эмиграция? - спрашивали критики этой идеи. Да потому, что наличие или отсутствие эмиграции легко увидеть извне, тогда как происходящее внутри тоталитарного государства не так очевидно.

Рихтеру и его единомышленникам удалось заинтересовать своей идеей некоторых американских законодателей, и в результате сенатор от штата Вашингтон Генри "Скуп" Джексон и конгрессмен из Огайо Чарльз Вэник внесли законопроект, направленный на проведение в жизнь этой идеи. Законодатели в большинстве своем были знакомы с проблемами советского еврейства и сочувственно отнеслись к законопроекту. И вот 20 декабря 1974 года закон, получивший название поправки Джексона - Вэника, был принят, несмотря на сопротивление некоторых бизнесменов и чиновников.

Окончание на стр. А6